

УДК 342.3

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01

М. В. Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. Обоснованная в XVI веке концепция суверенитета подвергается в XX–XXI веках заметным модификациям в связи с расширением межгосударственного сотрудничества и вхождением государств в различные международные организации и интеграционные объединения, формированием и развитием каталога прав человека, динамикой социально-экономического развития, технологическими новациями и прочими факторами, каждый из которых определяет те или иные ограничения или, наоборот, расширения суверенитета государств. Целью статьи является выявление векторов трансформации государственного суверенитета в современных условиях. Для ее достижения в статье определяется конституционная основа и очерчиваются территориальные пределы действия государственного суверенитета; исследуются понятие и содержание государственного суверенитета в историческом аспекте, а также в современной интерпретации, в том числе международно-правовой; анализируются проблемы обеспечения технологического суверенитета государства. По результатам проведенного исследования формулируются выводы о направлениях трансформации

содержания понятия суверенитет; о стоящих перед юридической наукой задачах, решение которых необходимо для обеспечения сохранения государственного, правового, экономического, цифрового, технологического суверенитета и национальной идентичности Российской Федерации в кризисных обстоятельствах, в свете функционирования международных центров принятия решений, а также в связи с необходимостью конкретизации норм Конституции об укреплении суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: государство; суверенитет; правовой суверенитет; цифровизация; виртуальное пространство; технологический суверенитет.

UDC 342.3

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01

M. V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF THE STATE IN THE MODERN WORLD: PARADIGM SHIFTS OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY

Abstract. Established in the 16th century the concept of sovereignty is exposed in the XX–XXI centuries to noticeable modifications due to the expansion of interstate cooperation and the entry of states into various international organizations and integration associations, the formation and development of a catalogue of human rights, the dynamics of socio-economic development, technological innovations and other factors, each of which determines certain restrictions or, conversely, expansion of state sovereignty. The purpose of the article is to identify the vectors of transformation of state sovereignty in modern conditions. To achieve it, the article defines the constitutional basis and outlines the territorial limits of the state sovereignty; the concept and content of state sovereignty are studied in the historical aspect, as well as in the modern interpretation, including international legal one; the problems of ensuring the technological sovereignty of the state are analyzed. Based on the results of the study, conclusions are represented about the directions of transformation of the content of the concept of sovereignty; about the tasks facing legal science, the solution of which is necessary to ensure the preservation of the state, legal, economic, digital, technological sovereignty and national identity of the Russian Federation in crisis circumstances, in the light of the functioning of international decision-making centers, as well as in connection with the need to specify the norms of the Constitution on strengthening the sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: state; sovereignty; legal sovereignty; digitalization; virtual space; technological sovereignty.

Введение

Суверенитет, под которым принято понимать самостоятельность, верховенство, единство и независимость государственной власти внутри страны и за ее пределами, является одним из основных и важнейших признаков государства (наряду с территорией, населением, наличием верховной политической власти, монополией на применение силы). Это понятие было обосновано французским философом и правоведом Жаном Боденом в сочинении «Шесть книг о государстве» [1, с. 305] еще в XVI веке. Тогда под суверенитетом понималась абсолютная и постоянная власть государства над гражданами и подданными, характеризующаяся независимостью как внутри страны, так и в отношениях с другими государствами, выше которой только Бог и законы природы.

Долгое время в последующем считалось, что суверенитет обладает практически абсолютным характером. Однако в XX – начале XXI века его содержание претерпевало изменения в связи с международным признанием прав и свобод человека и гражданина, воплощением идей верховенства права и правового государства, развитием демократических процессов, межгосударственного общения в рамках международных организаций, тенденций глобализации, интеграции и интернационализации [9; 20; 23, с. 95–105; 24, с. 187–200; 25; 29, с. 5–22].

В разнонаправленных обстоятельствах глобализации и усиления международной напряженности и нестабильности возрастают риски ограничения или полной утраты государствами своего суверенитета, в том числе под влиянием внешнего управления. Немаловажным является и фактор высокой динамики научно-технического прогресса. Президентом Российской Федерации поставлена задача по обеспечению на долгосрочную перспективу технологического суверенитета Российской Федерации, имеющая стратегическое значение для сохранения суверенитета российского государства. В связи с этим требуется выработка доктринальных подходов, создание правовых моделей обеспечения национальной идентичности и предотвращения размывания государственного суверенитета.

Конституционная основа и территориальные пределы действия государственного суверенитета

Суверенитет признается одним из принципов конституционного права и закреплен практически во всех конституциях современных государств. Суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, определен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (ч. 1 ст. 4). Как разъяснил Конституционный суд Российской

Федерации в своем Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении. Российская Федерация в силу статьи 67 Конституции обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Конституционный принцип суверенитета государства конкретизирован в отраслевом законодательстве [25, с. 66].

На государственном суверенитете основывается пространственно-правовое устройство государства [29, с. 8]. Государственная граница России — это пространственный предел действия ее государственного суверенитета. Положения ст. 4, 15 Конституции составляют основу правового суверенитета страны.

В связи с территориальными пределами действия государственного суверенитета со второй половины XX века актуализируется проблема разграничения границ между воздушным и космическим пространством [8, с. 15–22]. Если в отношении первого над своей территорией государства имеют полный и исключительный суверенитет в силу ст. 1 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации 1944 года, то в отношении космического пространства суверенитет какого-либо государства не простирается (см. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года). Верхней границей выступает высота в 100–110 км [16, с. 112–118]. Попытки пересмотреть устоявшийся правовой режим космического пространства предпринимаются в связи с реализацией проектов по добыче космических ресурсов (США, Япония, Люксембург, Германия), освоению Марса (Mars Odyssey, Trace Gas Orbiter, Mars Orbiter Mission, MAVEN-1, MRO, Mars Express, частные проекты Mars One, Inspiration Mars, план по заселению Марса Илона Маска) и пр.

Актуален вопрос о распространении суверенитета сопредельных государств на арктические территории. Долгое время здесь действовал секторальный подход. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, в которой Россия участвует с 1997 года, обозначила международно-конвенциональный принцип, что дезавуировало суверенные права нашего государства на «часть национального арктического сектора с Северным полюсом во главе, установленные в результате фактического владения и закрепленные целым рядом нормативно-правовых актов» [22, с. 225]. Дискуссия арктических держав в отношении суверенных прав на часть территории Арктики сохраняет свою остроту [2]. Кроме того, по мере развития технологий освоения Антарктики прогнозируются претензии на территориальный суверенитет в ней [22, с. 228], предпосылкой чего является пробельность Договора об Антарктике 1959 года, который не оговаривает «статус этой территории как зоны “правового вакуума”, полностью свободной от претензий того или иного государства на установление правовых границ» [22, с. 228].

Государственный суверенитет и международное право

В международном праве суверенитет государства является одним из общепризнанных принципов, хотя документально не закреплён. В Уставе ООН (ст. 2) включён принцип суверенного равенства государств и оговорено, что этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании гл. VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Суверенитет неизбежно ограничивается в условиях участия государства в международных организациях, когда они принимают на себя определённые международные обязательства, оказывающие влияние на внутреннюю жизнь страны, национальное законодательство и правовую систему в целом. Согласно ст. 79 Конституции России может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами РФ, если это не влечёт за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ. Стоит оговориться, что передача части полномочий межгосударственным объединениям не тождественна передаче части суверенитета: «именно благодаря ему Российская Федерация может в любое время вернуть себе такие полномочия» [13, с. 28] (первичность суверенных прав). Иными словами, здесь проявляется самостоятельность и независимость государственной власти в международных отношениях. Однако передавая часть своих полномочий межгосударственным объединениям, государства приобретают «легальные способы решения общих вопросов мирового развития» [25, с. 64] (таких как противодействие коррупции, терроризму, отмыванию доходов, полученных преступным путём, экологическим, экономическим, эпидемиологическим и тому подобным вызовам и кризисам и пр.). В рамках конституционных преобразований 2020 года в ст. 79 Конституции РФ была внесена поправка, согласно которой был утверждён приоритет норм Основного закона нашей страны над нормами международного права (правовой суверенитет), что гарантирует реальное утверждение государственного суверенитета [27, с. 88–99].

Своеобразным ограничением суверенитета государства выступает действие экстерриториальных режимов. Частным случаем является санкционирование государством применения на своей территории иностранного законодательства, что имеет место при регламентации частноправовых отношений с иностранным элементом [17, с. 26–27], то есть в тех отношениях, основным методом правового регулирования которых выступает диспозитивный метод. Решение проблемы конфликта гражданско-правовых законов страны суда и государства, к которому относится тот или иной иностранный элемент, содержится в вырабатываемых национальным правовым порядком коллизионных нормах, указывающих, какой материально-правовой закон подлежит применению к соответствующему отношению [17, с. 156]. В целях эффективной защиты прав участников трансграничных отношений и расширения международных хозяйственных связей государства добровольно ограничивают свой суверенитет и иным образом, допуская

исполнение иностранных судебных решений в своей юрисдикции. Ограничением действия коллизии нормы, которая может отсылать к иностранному закону, служат оговорка о публичном порядке, а также применение принципа взаимности и сверхимперативных норм (норм непосредственного применения). Границы исполнения иностранных судебных решений очерчивает соблюдение правила о непротиворечии иностранных судебных решений публичному порядку государства, где испрашивается их исполнение, а также применение принципа взаимности [6, с. 190–196].

Интеграционные процессы обуславливают передачу некоторых суверенных полномочий на надгосударственный уровень, что хорошо видно на примере Европейского союза, где функционируют самостоятельные институциональные органы (Европейский Парламент, Комиссия, Счетная палата и Центральный банк, Совет и Суд ЕС), сложилась система наднационального права, включающая нормы первичного (учредительные договоры) и вторичного права (акты институтов ЕС). Некоторые авторы в этом отношении говорят о становлении сетевого сверхгосударства, целенаправленно подавляющего национальное государство [23, с. 99].

Одним из основных неотъемлемых элементов интеграционных процессов выступает межгосударственная координация в сфере права (сближение правовых систем), идеальным воплощением которой является формирование единого правового пространства [5, с. 3]. В отличие от интернационализации (европеизации, американизации) права, отличающейся стихийностью взаимовлияния и взаимопроникновения систем национального права, сближение правовых систем в рамках правовой интеграции является организованным, упорядоченным процессом сотрудничества государств, направленным на содействие эффективному функционированию и взаимному сопряжению национальных правовых порядков [5, с. 10]. Способами сближения правовых систем являются унификация и гармонизация, отличия которых заключаются в степени идентичности созданных правовых предписаний. Посредством этих способов вырабатываются международные правовые стандарты, соответствие которым национального законодательства и национально-государственных институтов играет важную роль в расширении международного сотрудничества, интеграции государств, глобализации. Международное право программирует поведение государств, оказывает влияние на их внутреннее законодательство и правоприменительную практику.

Неизбежны и риски реализации международных стандартов. Так, примат института прав и свобод человека и гражданина над государственным суверенитетом, провозглашаемый международными организациями и соответствующими документами, создает угрозу всеобщей гуманитарной интервенции и неоправданных вмешательств международного сообщества во внутренние дела государств.

Векторы трансформации понятия и содержания государственного суверенитета в современном мире

В современных условиях сформировались два противоречивых вектора — курс на «обеспечение суверенных прав государства в условиях расширения сфер международного сотрудничества» и, напротив, «признание понятий “суверенитет” и “государство-нация” устаревшими, переход к доминированию международных институтов и наднациональных структур» [25, с. 64].

Отдельные авторы пишут о «пост-суверенном мировом порядке» и трансформации роли государства в современном мире [20, с. 45–46], отрицают необходимость существования такой категории [28, с. 146; 30, с. 4], обосновывают тенденцию преодоления национального государства и любых форм политической социализации [26, с. 225–229]. По мнению других, понятие суверенитета под воздействием кризиса международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, размывается, что обозначается как *Westfailure* (провал Вестфальских принципов) [34, р. 345–354], а абсолютный внешний суверенитет государства в современных условиях невозможен.

Конец эпохи модели суверенного государства связывается с обострением национальных и этнических проблем, функциональными изменениями государственной территории как основы власти, включением государств в «надгосударственные глобальные и региональные организационные системы» [10, с. 7–8].

Усиливается экономическая, политическая, информационная взаимозависимость государств [24, с. 190]. В связи с этим формируются концепции «открытого общества» [4], «сетевого общества» [12]. Ввиду заявляемой неспособности национальных государств обеспечить эффективное управление в условиях глобализации высказываются предложения о введении ограничений суверенитета, института международного контроля, основанного на сетевом принципе [15]. Формируется новая постпозитивистская концепция суверенитета, основанная на отказе от института государственности, передаче управления наднациональным структурам: транснациональным, межправительственным и неправительственным институтам [32; 35, р. 853], зарождении глобального административного пространства и глобального управления [25, с. 74]. В противовес закрытой политике, основанной на принципе национально-государственного суверенитета, ставится открытая политика, в основе которой супра- и субнациональная взаимозависимость [11]. Однако при формулировании выводов об изменении роли государства не стоит забывать о теории цикличности его развития, обоснованной еще древнегреческим историком и государственным деятелем Полибием во II веке до нашей эры [9, с. 42]. Происходящие в мире события (Брекзит, проблемы миграции, экономические санкции и пр.) демонстрируют неготовность национального суверенитета сдавать свои позиции под натиском глобализации и интеграции.

С указанными тенденциями изменения роли государства напрямую связана концепция мягкого права, или, как пишут представители науки международного

частного права, «разгосударствления» права, что выражается в усилении значения норм права негосударственного происхождения, расширении принципа автономии воли сторон трансграничных частнопроводных отношений [19, с. 9–21], а также в развитии альтернативных негосударственной и надгосударственной систем разрешения трансграничных споров [18, с. 193]. Таким образом, процессы глобализации ставят под сомнение монопольную роль государства в создании права и осуществлении правосудия [7, с. 138–161]. На передний план выходят концепты транснационального права, частного правотворчества (в международном частном праве, международном банковском праве и других отраслях) [18, с. 198].

Процессы глобализации размывают национальную и историческую идентичность государств — основу суверенитета [23, с. 100]. Одновременно обостряются национальные интересы, которые отражают стремление государств и народов сохранить свой суверенитет. Противоборство всеобщих, региональных и национальных интересов находит отражение в разных ответах и решениях проблем суверенитета. Вместе с тем обоснованные и справедливые решения надо искать в русле права. На сохранение общероссийской культурной идентичности направлены поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году. На это ориентируют и программно-стратегические документы¹.

Цифровизация и проблемы обеспечения технологического суверенитета государства

Цифровизация, ставшая одним из определяющих векторов развития государства и общества [14; 21], требует выделения нового пространственно-правового аспекта — виртуального пространства. Построенное на технологии, предполагающей преодоление любых барьеров в распространении и хранении информации, оно не имеет территориальных границ и не позволяет установить полный контроль над потоками информации. Это усложняет способность государства поддерживать свою суверенную власть [33, р. 1370]. В этой связи логична постановка вопроса об информационном (цифровом) суверенитете государства в условиях колоссальной зависимости современного общества от цифровых ресурсов [18, с. 198], его соотношении с национальным суверенитетом. Практика государств в обеспечении такого суверенитета идет по пути установления жестких ограничений (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика) либо по пути либерализации регулирования интернета (Бразилия). В России прослеживается четкая тенденция «обособления национальных сегментов интернета в рамках государственных границ» [22, с. 41].

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

Коренное изменение социальных и политических процессов в современных условиях ставят новые вызовы основам стратегической безопасности и стабильности существования общества и государства. Одним из таких вызовов является необходимость обеспечения технологического суверенитета государства. Этот термин изначально нашел применение в документах стратегического планирования. В общем в доктрине технологический суверенитет рассматривается как часть экономического суверенитета государства и представляет собой «достигнутый уровень реальной независимости страны в области науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов и потребностей в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз» [3, с. 3693]. Вопросы технологического суверенитета России в активном формате стали возникать начиная с 2014 года — после введения экономических и политических санкций в отношении российского государства [31, с. 452]. В сложившихся сложных условиях перехода к новому миропорядку при сохранении традиционных, складывающихся на протяжении ряда лет угроз основным гарантом обеспечения жизнеспособности и нормального функционирования социальных и политических институтов, сохранения достаточного уровня жизни граждан является государство. В марте 2023 года Правительство РФ планирует утвердить концепцию технологического развития страны на период до 2030 года.

В качестве возможных направлений развития в юриспруденции научных подходов по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации возможно назвать следующие:

- повышение цифровой и информационно-правовой грамотности населения;
- изучение возможностей и перспектив решения задач обеспечения технологического суверенитета страны при помощи правовых средств;
- разработка непротиворечивого унифицированного понятийно-категориального аппарата и выделение научного института (подотрасли юридических знаний) технологического суверенитета государства;
- исследование сложившихся законодательной и правоприменительной основ обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации;
- изучение опыта правового обеспечения технологического суверенитета в зарубежных государствах;
- модернизация существующих документов стратегического планирования, определяющих технологии, обладание которыми критически важно с точки зрения национальной безопасности, а также меры по обеспечению технологического суверенитета страны, с учетом новых рисков и угроз;
- выработка коррелирующих с принятыми документами стратегического планирования юридического прогноза и концепции дальнейшего совершенствования законодательства для каждого из основных этапов достижения целей технологического развития Российской Федерации;

- расширение сферы проведения правовых экспериментов и применения специальных правовых режимов в отношении развития и внедрения критических технологий;
- создание правовых условий ведения технологического бизнеса, обеспечение повышения привлекательности отечественной юрисдикции;
- формирование эффективной правоприменительной практики реализации созданной и вновь создаваемой нормативной правовой базы стимулирования инновационной деятельности;
- укрепление межгосударственного сотрудничества в рамках региональных интеграционных союзов (ШОС, БРИКС, ЕАЭС), межгосударственное взаимодействие при подготовке кадров, в ходе научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности.

Заключение

Концепция государственного суверенитета, обоснованная в XVI–XVII веке, в последние десятилетия приобретает новое звучание, трансформируется в условиях глобализации, интеграции, цифровизации и прочих объективных и субъективных факторов, в радикальных случаях — ставится под сомнение и отрицается. Вместе с тем неизбежным является определенное ограничение изначально абсолютного суверенитета, обусловленное расширением межгосударственного сотрудничества в рамках международных правительственных организаций. Наряду с этим протекающие параллельно процессы «разгосударствления» в области регулирования трансграничных частноправовых отношений, проникновение концепта мягкого права в область международного публичного и даже внутригосударственного права, развития права открытых и сетевых обществ позволяют прогнозировать риски отчуждения, значительных ограничений и даже постепенной утраты суверенитета государствами в том виде, в котором он традиционно понимается в науках теории государства и права, конституционного и международного права. Новой тенденцией в доктрине выступает деление суверенитета на виды: экономический, правовой, политический, сетевой, цифровой, технологический и пр.

В связи с этим перед юридической наукой стоят задачи проведения комплексных, междисциплинарных исследований государства, научного обоснования активизации его роли в гармонизации экономических, социальных и политических процессов, обеспечения сохранения государственного, правового, экономического, цифрового, технологического суверенитета и национальной идентичности Российской Федерации, поддержания оптимального баланса между суверенным правопорядком и необходимостью межгосударственного сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах, согласования национальных норм и международных стандартов, создания правовых средств предупреждения и преодоления кризисных ситуаций, угрожающих

потерей суверенитета и национальной самобытности, развития и конкретизации конституционных положений об укреплении суверенитета Российской Федерации, разработки доктринальных концепций сохранения суверенитета в условиях функционирования международных центров принятия решений.

Список источников

1. Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция: в 5 т. / отв. ред. А. А. Миголатьев. Т. 1. М.: Мысль, 1997. 832 с.
2. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2014. 152 с.
3. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 3691–3708.
4. Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. 384 с.
5. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 46 с.
6. Власова Н. В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 190–196.
7. Войникакис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: сб. науч. работ. Вып. 1. М.: Изд. Воробьев А. В., 2010. С. 138–161.
8. Головина А. А. К проблеме границ правового суверенитета в космосе // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 2 (34). С. 15–22.
9. Государство в меняющемся мире: мат-лы VI Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / отв. ред. В. И. Лафитский. М.: ИЗиСП, 2012. 1120 с.
10. Деев Н. Н. 2003.04.001. Штайгер Х. Кончается ли эпоха суверенного государства? Steiger H. Geht das Zeitalter des souveränen Staates zu Ende? // Der Staat. В., 2002. Bd. 41, Н. 3. S. 331–358 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал. 2003. № 4. С. 7–12.
11. Иванов Д. В. Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 4. С. 3–14.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой; обращение к читателям В. В. Путина. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2021. 368 с.
14. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП; Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
15. Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Безопасность Евразии. 2007. № 4 (30). С. 230–261.
16. Ложковой П. Н. Суверенитет государства и планетарный характер дистанционного зондирования Земли из космоса // Современное право. 2017. № 5. С. 112–118.

17. Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
18. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.
19. Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 12. С. 9–21.
20. Пастухова Н. Б. Проблемы государственного суверенитета. М.: Норма, 2006. 288 с.
21. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП; Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
22. Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2019. 240 с.
23. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95–105.
24. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.
25. Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна: научное издание. М.: Юриспруденция, 2011. 80 с.
26. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008. 415 с.
27. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 240 с.
28. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
29. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 5–22.
30. Черняк Л. Ю. Теории отрицания государственного суверенитета: основные подходы // Академический юридический журнал. 2008. № 1. С. 4–12.
31. Щукина Т. В. Вопросы технологического суверенитета России: публично-правовые аспекты // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (город Казань, 23 сентября 2022 года): в 6 т. / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. Т. 6. Казань: Познание Казанского инновационного ун-та, 2022. С. 451–461.
32. Agamben G. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 110 p.
33. Johnson D. R., Post D. G. *Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace* // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48. P. 1367–1402.
34. Strange S. *The Westfailure System* // *Review of International Studies*. 1999. № 25(3). P. 345–354.
35. *The Oxford companion to politics of the world* / ed. in chief Joel Krieger. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1993. 1056 p.

References

1. Antologija mirovoj politicheskoj my'sli: Zarubezhnaja politicheskaja mysl': istoki i jevoljucija: v 5 t. T. 1 / otv. red. A. A. Migolat'ev. M.: Mysl', 1997. 832 s.
2. Arkticheskoe pravo: koncepcija razvitija / otv. red. T. Ja. Habrieva. M.: ID «Jurisprudencija», 2014. 152 s.
3. Afanas'ev A. A. Tehnologicheskij suverenitet: k voprosu o sushhnosti // Kreativnaja jekonomika. 2022. Tom 16. № 10. S. 3691–3708.
4. Bazedov Ju. Pravo otkrytyh obshhestv — chastnoe i gosudarstvennoe regulirovanie mezhdunarodny'h otnoshenij: obshhij kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava / per. s angl. Ju. M. Jumasheva. M.: Norma, 2022. 384 s.
5. Bahin S. V. Sotrudnichestvo gosudarstv po sblizheniju nacional'ny'h pravovyh sistem (unifikacija i garmonizacija prava): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2003. 46 s.
6. Vlasova N. V. Vzaimnost' kak osnovanie priznanija i ispolnenija v Rossii inostranny'h sudebny'h reshenij // Aktual'nye problemy' rossijskogo prava. 2016. № 10. S. 190–196.
7. Vojnikakis E. A. Paradigmal'ny'j sdvig v sovremennom prave // Filosofija politiki i prava: sb. nauch. rabot. Vy'p. 1. M.: Izd. Vorob'ev A. V., 2010. S. 138–161.
8. Golovina A. A. K probleme granic pravovogo suvereniteta v kosmose // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2019. № 2 (34). S. 15–22.
9. Gosudarstvo v menjajushhemsja mire: mat-ly' VI Mezhdunar. shkoly-praktikuma molody'h ucheny'h-juristov (Moskva, 26–28 maja 2011 god) / otv. red. V. I. Lafitskij. M.: IZiSP, 2012. 1120 s.
10. Deev N. N. 2003.04.001. Shtajger X. Konchaetsja li jepoha suverenno go gosudarstva? Steiger H. Geht das Zeitalter des souveränen Staates zu Ende? // Der Staat. B., 2002. Bd. 41, H. 3. S. 331–358 // Social'nye i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativny'j zhurnal. 2003. № 4. S. 7–12.
11. Ivanov D. V. Jevoljucija koncepcii globalizacii // Teleskop. 2002. № 4. S. 3–14.
12. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl., pod nauch. red. O. I. Shkaratana. M.: GU VSHJE, 2000. 608 s.
13. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejny'j): s uchetom izmenenij, odobrenny'h v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda / pod red. T. Ja. Habrievoj; obrashhenie k chitateljam V. V. Putina. M.: IZiSP; INFRA-M, 2021. 368 s.
14. Koncepcija cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy': monografija / pod obsh. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashenceva. M.: IZiSP; Norma: INFRA-M, 2021. 244 s.
15. Kortunov S. V. Krushenie Vestfal'skoj sistemy i stanovlenie novogo mirovogo porjadka // Bezopasnost' Evrazii. 2007. № 4 (30). S. 230–261.
16. Lozhkovej P. N. Suverenitet gosudarstva i planetarny'j karakter distancionnogo zondirovanija Zemli iz kosmosa // Sovremennoe pravo. 2017. № 5. S. 112–118.
17. Lunc L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: V 3 t. M.: Spark, 2002. 1007 s.
18. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v uslovijah globalizacii: ot razgosudarstvlenija k fragmentacii // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' jekonomiki. 2018. № 1. S. 193–217.
19. Mazhorina M. V. Pravo na vy'bor neprava: kak otkry't' jashhik Pandory s pomoshh'ju lex voluntatis // Lex russica. 2021. T. 74. № 12. S. 9–21.
20. Pastuhova N. B. Problemy' gosudarstvennogo suvereniteta. M.: Norma, 2006. 288 s.
21. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaja A. A. Smena tehnologicheskikh ukkladov i pravovoe razvitie Rossii: monografija. M.: IZiSP; Norma; INFRA-M, 2021. 184 s.

22. Pravovoe prostranstvo: granicy i dinamika: monografija / otv. red. Ju. A. Tihomirov. M.: IZiSP; INFRA-M, 2019. 240 s.
23. Sajamov Ju. N. Vestfal'skij mir i ego principy` vchera i segodnja // Vek globalizacii. 2018. № 3 (27). S. 95–105.
24. Terent`eva L. V. Koncepcija suvereniteta gosudarstva v uslovijah globalizacionny`h i informacionno-kommunikacionny`h processov // Pravo. Zhurnal Vy`sšej shkoly` jekonomiki. 2017. № 1. S. 187–200.
25. Tihomirov Ju. A. Gosudarstvo: preemstvennost` i novizna: nauchnoe izdanie. M.: Jurisprudencija, 2011. 80 s.
26. Habermas Ju. Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoj teorii / per. s nem. Ju. S. Medvedeva; pod red. D. V. Skljadneva. 2-e izd., ster. SPb.: Nauka, 2008. 415 s.
27. Habrieva T. Ja., Klishas A. A. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 goda № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovanija otdel`ny`h voprosov organizacii i funkcionirovanija publichnoj vlasti». M.: Norma; INFRA-M, 2020. 240 s.
28. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii / per. s angl. pod red. V. L. Inozemceva. M.: Kul`turnaja revoljucija, 2006. 559 s.
29. Chernogor N. N., Emel`janov A. S. Prostranstvenno-pravovaja matrica sovremennoj Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 5. S. 5–22.
30. Chernjak L. Ju. Teorii otricanija gosudarstvennogo suvereniteta: osnovnye podhody // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 4–12.
31. Shhukina T. V. Voprosy` tehnologicheskogo suvereniteta Rossii: publichno-pravovye aspekty // Cifrovye tehnologii i pravo: sb. nauch. tr. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (gorod Kazan`, 23 sentjabrja 2022 goda) / pod red. I. R. Begisheva, E. A. Gromovoj, M. V. Zaloilo, I. A. Filipovoj A. A. Shutovoj. V 6 t. T. 6. Kazan`; Izd-vo Poznanie Kazanskogo innovacionnogo universiteta, 2022. S. 451–461.
32. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 110 p.
33. Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. P. 1367–1402.
34. Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies. 1999. № 25 (3). P. 345–354.
35. The Oxford companion to politics of the world / Ed. in chief Joel Krieger. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1993. 1056 p.

Статья поступила в редакцию: 07.02.2023;
одобрена после рецензирования: 23.02.2023;
принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 07.02.2023;
approved after reviewing: 23.02.2023;
accepted for publication: 25.02.2023.